

— ВИКТОР Борисович, картина о Шостаковиче решает трудную задачу: дать жизнь гениальной музыке в огромной телевизионной аудитории через приближение к зрителю самой личности композитора. Видимо, речь идет не просто о популяризации. Телезрекан пытается выяснить свои отношения с традиционными искусствами, испытать собственные возможности в приобщении людей к миру прекрасного. Что стоит, на ваш взгляд, за стремлением самой молодой телевизионной музыки проникнуть в «такую» классического искусства — будь то симфония Шостаковича, поэзия старых мастеров, хранившиеся в Эрмитаже, или взятая целиком творческая личность Толстого?

— Судя по многим приметам, мы живем в эпоху, когда меняется сам способ сообщения людей, когда в восприятии каждого человека иначе, чем прежде, закрепляется сказанное и увиденное. Появление телевидения вызвало к жизни незнакомые ранее проблемы, которые необходимо осмыслить. Везде, во всех домах, стоят телевизионные аппараты, они вошли в быт, но пользоваться ими по-настоящему еще не всегда умеют и зрители, и создатели программ. Часто от телевидения во что бы то ни стало ждут репортажности, узнаваемой документальности. Но дело не в том, чтобы человек говорил перед камерой и при этом был виден на экране, как при реальной беседе. Если по телевизору показывают обычную съемку почного пейзажа на Украине, а за кадром читают строки Пушкина «Тиха украинская ночь...» — это одно. Но совершенно другое видение той же украинской ночи дал Гоголь. Это были разные художественные миры, и если телевидение будет просто их иллюстрировать, оно ничего не добавит к классике и только обеднит ее.

Телезрекан дает художнику возможность говорить одновременно с огромными ульпами, с целыми городами. Это делает нас ответственными не только за содержание передач, но и за их форму, сам способ общения со зрителем. Мы должны искать ключи к совершенно новому искусству, а часто всего лишь повторять иллюстрированную книгу. Между тем в диалогах Платона, написанных почти две с половиной тысячи лет назад, говорится, что книга похожа на картину; и ту, и другую можно спрашивать, но ни одна не отвечает. Иллюстрированная книга, которой нередко оборачивается телепередача, умеет только напоминать. Телевидение, если

ПРЕОДОЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

у телеэкрана

Известный советский писатель Виктор Шкловский за несколько десятилетий творческой деятельности выступал в роли прозаика и драматурга, автора литературо-речевых исследований и критических статей. В последние годы он активно сотрудничает с телевидением: зрителям

памятны фильмы «Жили-были», «Слово о Толстом». Недавно состоялась премьера ленты «Композитор Дмитрий Шостакович». Шкловский принимал в ней участие как один из свидетелей времени, о котором повествует картина.

В беседе с корреспондентом «Правды» писатель, отталкиваясь от проблематики и эстетических качеств нового фильма, делится своими мыслями о значении телевидения в духовном воспитании людей, о том, как оно влияет на восприятие традиционных искусств.

его понимать как принципиально новое искусство, будущее спрошено, способно отвечать. Как отвечать, чем отвечать? — это уже другой вопрос.

— Мы привыкли к тому, что миссию «ответчика» берет на себя Ведущий. Как правило, это человек не просто авторитетный, а такой, который способен перебросить своеобразный мостик из области глубоких специальных знаний, высокой духовной культуры в наш по-вседневный, перегруженный текущей информацией быт. Но, вероятно, возможности телевидения шире, и они связаны с самой природой его как предельно демократического, общеупотребительного зрелица, обладающего в то же время сложной художественной структурой. В самом деле, телевизионное представление может вобрать в себя интеллектуальную мощь слова, конкретную осозаемость пластических искусств, эмоциональность музыки. Но как подчинить все эти слагаемые единому художественному впечатлению, которое объединило бы «разобщенную» теледраму еще в большей степени, нежели замкнутый театральный или кинозал?

— В эстетике есть понятие катарсиса, идущее от античности, от древних основ театра и вообще всякого зрелица, к этим основам восходит и телевизионное представление. На первый взгляд, неизвестно, скажем, почему изображение трагических событий, смерти может вести к духовному очищению. Это удивительная способность искусства: показывая страдание, давая в итоге счастье сострадания и понимания. Конечно, это удается только таким большим художникам, как Достоевский.

Есть свидетельства, что публика в Древней Греции отличалась большой отзывчивостью и в то же время требовательностью к представлениям трагедий. Когда однажды показывали трагедию, посвященную о военном поражении греков, огромный ам-

фитеатр плакал; драматург же был оштрафован за то, что он неправильно подошел к вопросу катарсиса. Искусство способно не только изображать, но и преобразовать; в данном случае тяжелые события должны были вызывать у публики не отчаяние, а негодование, подъем народного духа.

В то далекое время чтение, восприятие написанного было совсем другим, чем сегодня. Человек, оставшийся в своей комнате с рукописью-книгой (книги были рукописными), читал вслух. Чтение «про себя», которым теперь владеют дети, было неизвестно и возникло только через тысячу лет. Сегодня и литературу, и музыку, и театр люди воспринимают — иначе, глубоко индивидуально. Но именно телевидение, как никакое другое искусство, способно вызывать одновременно у миллионов людей единые чувства, переживания. Происходит это тогда, когда оно используется не просто как средство воспроизведения слова, пластического образа или музыки, но когда эти слагаемые вступают в новые, плодотворные отношения.

Известно, что «пересказать» музыку словами невозможно, очень трудно найти и соответствующий ей живописный образ. В фильме о Шостаковиче есть попытки создать как бы изображение музыки: картины революционного Ленинграда, снимки белых парусных кораблей. Эти попытки не удались целиком, но в лучших эпизодах, когда кадры не иллюстрируют музыку, а внутренне соответствуют ей, возникает сильный эмоциональный эффект, имеющий чисто телевизионную природу. Так, сильное впечатление производят снимки Шо-

стаковиша, сделанные при его жизни режиссером Юрием Белянкиным, много работавшим вместе с композитором. На экране появляется человек, который не «изображает» музыку, а как бы находится в процессе ее восприятия.

— Надо ли понимать вас в том смысле, что механизм воздействия художественного произведения принципиально разный — в традиционных искусствах и в телевидении? Что сама музыка Шостаковича, например, без изобразительного «подкрепления» не способна в такой степени объединить людей, как это делает в лучших своих работах телевидение?

Шостакович творил уже в новую эпоху, когда было кино, появлялось телевидение, и книга перестала быть главным способом просвещения и эмоционального воздействия. Композитор много и успешно работал в кино: с его музыкой записаны все шекспировские кинотрагедии Григория Козинцева. Новые искусства не могли не повлиять на характер музыкального творчества. Еще больше на него воздействовало само время, полное величественных и трагических событий.

Шостакович жил в прекрасном городе на Неве, в великом городе Ленина, в городе, который никогда не был захвачен, для которого нет невозможного. Я сам ленинградец по рождению. Помню Шостаковича в трудное время, в 1921 году, когда в городе был голод, знал его и позднее. Он был человеком необычайно трудолюбивым, необыкновенно храбрым, настоящим ленинградцем. Как-то совсем молодым он работал тапером, играл на рояле в одном кинотеатре на Петроградской стороне, и случился пожар, который начался со стороны сцены. А он продолжал играть, когда уж загорелся хвост ролля. Это был человек высо-

кого духа, человек, рожденный, чтобы преодолевать боль и страх. Такова была и его музыка, очень разная — иногда написанная для небольшой компании, чаще — грандиозная, новаторская музыка для площадей, как бы подводящая итоги эпохи.

Этот человек написал свою Седьмую симфонию, когда Ленинград горел и люди выходили на крыши. Шостакович создал музыку о борьбе и бесстрашии. Анна Ахматова очень точно назвала симфонию Шостаковича «знакомитой ленинградкой».

Отмечу одно обстоятельство. На Западе сейчас появилась книга, которую выдают за мемуары Шостаковича. В свое время была заснята на кинопленку встреча композитора со слушателями, и он сказал примерно следующее: «Я писал очень много, только мемуаров не писал никогда». Это случайное, но точное свидетельство.

Когда-то Блок призывал: Слушайте музыку Революции! Шостакович в буквальном смысле ответил на этот призыв. Ибо если музыка, по словам Льва Толстого, «стенография чувств», то музыку Шостаковича можно назвать стенографией ощущения революции. Эта музыка, уже понятая человечеством, говорит сама за себя.

Очень важно и глубоко закономерно, что образ музыки и личности Шостаковича возник сейчас на малом экране, причем режиссеру Белянкину и автору сценария Андрею Золотову удалось поведать о гениальной музыке средствами телевизионного искусства.

— Известно, что некоторые произведения Шостаковича не сразу были поняты. Сегодня они признаны, стали достоянием не только знатоков, но и широкой аудитории. Здесь,

очевидно, налицо и заслуга телевидения, но, видимо, это лишь одно из проявлений более общей тенденции: искусство, которое раньше было достоянием сравнительно узкого круга избранных, ныне шагнуло в массы. Не будем говорить о кино, но как же велика тяга к хорошему театру, какие очереди спонтанно возникают на художественных выставках, как дефициты переиздания литературной классики!

— Искусство — чудо, ибо оно способно преодолевать время. Нам кажется: почему никто не удержал человека, убившего Пушкина? Почему никто не отомстил? А я видел в 1937 году солдатский спектакль по мотивам «Капитанской дочки». Ехали сани, ехала молоденькая девушка, а рядом бородатый человек с лентой через грудь... А за санями ехала... тачанка с Чапаевым — наследником Пугачева, борцом за свободу, которую воспевал Пушкин. Я сказал авторам постановки: это же разное время. Нет, ответили они, это одно время, мы так понимаем. Наивность? Да, но она наглядно, преувеличенно обнажает истинную способность искусства сдвигать время. Только в большом искусстве это происходит гораздо сложнее.

Мы все работаем и стараемся работать своеобразно. Но чтобы работать своеобразно, нужно работать вперед: это сверхзадача искусства. «Сейчас» — всего лишь сочетание двух плоскостей, «прошлого» и «будущего». А вот соединяющая линия — это искусство, которое не стареет от времени. Оно не становится старше — оно становится иным. А чтобы становиться иным, оно должно родиться вдохновенным.

Мудрец Сократ спрашивал: почему так важна любовь? Потому что она включает в себя рождение, элемент борьбы, элемент преодоления времени. То же самое искусство. Его бессмертие достигается дорогой ценой кажущейся прежде временноти его появления. Искусство новаторов — Шостаковича, Эйзенштейна, Маяковского — не просто пробивало себе дорогу. Но сегодня оно — неотъемлемая часть духовной культуры советского народа — получило широкое признание во всем мире. Высокая миссия телевидения — приобщать миллионы к сокровищам отечественной и мировой культуры, к творениям художников, которыми по праву гордится наш народ.

Беседу вел
А. ПЛАХОВ.